

ЕЛЕНА
АБЕРНАТИ

НИНЕЛЬ
ВЕРОН

АЛЬФА

ДЛЯ ВИДЯЩЕЙ ТЬМУ

СДЕЛКА НА ЖИЗНЬ

18+

**Елена Абернати
Нинель Верон
Альфа для видящей
Тьму. Сделка на жизнь**

<https://litres.ru/74420332>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я — Видящая Тьму. Чужие грехи и преступления оставляют незримые шрамы на моей коже, вытягивая частички моей души. Однажды я нарушила закон: провела запретный, древний ритуал, пожелав вернуть себе зрение.

Он — Черный Маршал Инквизиции, чья воля не знает отказов. Он пришёл, чтобы использовать мой дар для мести. Явился, чтобы выкупить мой грех, присвоить, спасти от неминуемой гибели или... погубить окончательно.

Мы, как черное и белое, как Инь и Янь, как Свет и Тьма. Такие разные, но истинные половинки друг для друга. Мы — одиночки, нуждающиеся в искренних чувствах. Наша парность — дар богов или проклятие. И эта истинность приведет нас к единению или к гибели.

Я — Ведьма. Он — Карающая длань Инквизиции

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	37
Глава 7	45
Глава 8	49
Глава 9	57
Глава 10	65
Глава 11	74
Глава 12	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Елена Абернати, Нинель Верон Альфа для видящей Тьму. Сделка на жизнь

Глава 1

Дарина

Я кричала, отчаянно вырываясь из обжигающей магической сетки, которая оплетала мое тело словно паутина. Сеть была прочной, как стальные канаты, и каждое движение оставляло болезненные следы на коже. Я шипела от боли и ярости, царапая ногтями воздух, но путы становились только крепче.

Магическая сеть была не просто материалом — она была живой, пульсирующей, наполненной темной энергией. Каждый раз, когда я пыталась разорвать ее, она реагировала, как живое существо, только усиливая хватку. Руки обжигало, но я продолжала рвать сеть, чувствуя, как ломаются и крошатся ногти.

Острый запах альфы усиливал мою панику. Он был везде

— в воздухе, в носу, в моих легких. Этот запах был одновременно знакомым и пугающим, как у хищника, который уже нашел свою добычу. Он проникал в меня, заполняя каждую клетку моего тела, заставляя сердце биться быстрее, а мысли — путаться.

Страх сдавливал горло, не давая дышать. Я дрожала, хватая ртом воздух, который казался обжигающе горячим. В голове билась лишь одна мысль: «Это конец». Я чувствовала, как силы покидают меня, как я теряю контроль над собственным телом и разумом...

— Отпусти! — закричала я. Отчаяние захлестнуло меня с головой. — Пожалуйста, отпусти!

Альфа не простит отказа. Никогда. Он всегда получал то, что хотел, а сейчас он жаждал получить меня. Его жертву. Его добычу. Хотел воспользоваться моим даром.

Я становилась слабее с каждой минутой. Остатки магии уходили в никуда, словно песок сквозь пальцы. Ловчая сеть, сотканная из меди, света и золота, была непроницаемой. Она была создана специально для таких, как я, — для ведьм.

Сети сплетались в глубинах Цитадели Инквизиторов. Никто не знал, как именно это происходило, но об этом ходили жуткие слухи. Поговаривали, что артефакты создавались в секретной лаборатории, где ведьмы подвергались жестоким экспериментам. Их силы блокировались, а затем использовались для создания сетей.

Проклятье! Я не успела совсем чуть-чуть! Как же так?

Сны предвещали, что у меня в запасе еще сутки. Я бы успела все сделать... И чертов Черный Маршал остался бы ни с чем!

Наверняка он видел, как меня скрутили Инквизиторы. Их металлические перчатки громко лязгнули, когда они сжали мои запястья. От силы, которую они применяли, буквально трещали кости. Я не могла видеть их лица, но знала, что под зеркальными масками скрываются гнусные ухмылки.

Альфа торжествовал победу... Его голос эхом отдавался в моих ушах, будто он стоял прямо передо мной.

«Я всегда получаю желаемое, Видящая!» — прорычал он в нашу последнюю встречу, прежде чем уйти. Глупо было надеяться, что такой, как он, смирится с отказом...

Я почти собрала все необходимое для ритуала, чтобы вернуть себе зрение. Пускай ценой остатков моего крошечного магического резерва, зато я бы смогла видеть! И избежала бы ловушки, клетки, в которую меня хотел заманить Макс Маршал... Черный Маршал... Охотник за головами, которому вдруг приспичило заключить со мной сделку. Выгодную одному ему!

Чертовы ликвидаторы появились, когда осталось полоснуть атомом по ладони и добавить в зелье последний, самый важный ингредиент... Сквозь пелену слез я видела лишь очертания, размытые и искаженные. Время словно ускользало вместе с моим зрением. В воздухе витал запах горящего пергамента и горьких трав. Зелье, которое должно было вернуть мне свет, теперь казалось проклятием.

Что я могла сделать, слепая и беспомощная, опутанная сетью, которая не просто удерживала, но и высасывала все силы? Отчаяние сковывало меня цепями. Я чувствовала, как душа разрывается на части, словно кто-то вырывал из меня саму жизнь. Боль, острая и мучительная, скручивала внутренности в тугой узел, заставляя кричать от безысходности.

— Отпустите! — Мой голос, полный гнева, эхом отражался от стен старого дома. Я вырывалась из сетей, обжигая пальцы до волдырей, но путы сжимались сильнее, словно живые. — Я не нарушала закон!

От бессилия по щекам потекли слезы. Крики тонули в тишине, которая становилась все более гнетущей.

— Ведьма Дарина Видящая, — шагнул вперед один из Инквизиторов. Его темный силуэт выглядел зловеще в полумраке, а голос был холодным, как лед, и полным презрения. — Ты нарушила закон. Ты признана виновной в использовании запретной магии, в проведении ритуала на крови...

— Я лишь хотела вернуть себе зрение! — закричала я не в силах сдержать рыдания. Мои слова звучали как мольба, лишь усиливая гнев Инквизитора. — Я никому не причиняла вреда! Я просто хотела видеть, жить, как все!

— Ты заплатишь за свои преступления, — произнес он сурово, как приговор. — Ты будешь вечно видеть только мир Тьмы и чужие грехи. Будешь ощущать чужую боль как собственную. Будешь страдать, пока не воздашь им справедливость. Ты будешь наказана за свои действия.

Его слова прозвучали как гром среди ясного неба, и я почувствовала, как мир вокруг меня рушится. Слезы хлынули потоком, и я закричала от боли и безысходности.

В этот момент я поняла, что лишилась всего...

Воли, свободы... Возможно, и жизни.

Меня доставили в тюрьму...

Отсюда мало кто выходил живым. Думаю, я не исключение!

Сети будто выжигали мой магический резерв. Боль, исходящая из солнечного сплетения, разрывала меня изнутри, заставляя дрожать всем телом. Я извивалась, как червяк на крючке, выла и скулила, словно раненый зверь. Ногти впивались в ладони, оставляя глубокие царапины, но облегчения не наступало.

Своим даром я видела, как стоящий передо мной Инквизитор спрятал руку под просторный черный балахон. Колючая кровавая проволока, пущенная по подолу и рукавам, затрещала, словно оживая, а затем угрожающе зазвенела. Я почувствовала, как ее острые концы оцарапали кожу Инквизитора, но он не испытал никакой боли.

Сизый дым, извиваясь кольцами, за клубился по полу. Холодный и тяжелый, как погребальный саван, он окутал ноги Инквизитора, поднялся выше, к груди, и скрыл маску завесой.

Инквизитор развернул свиток, и его глаза блеснули в про-

резях. Печать на свитке была огненной, круглой, как солнце, стремящееся за горизонт. Она горела, источая жар, который будто проникал прямо в мою душу.

— Именем Триединого... — начал зачитывать приговор Инквизитор твердым как сталь голосом. — Дарина Видящая приговаривается к запечатыванию магического резерва путем наказания Печатью Крови.

От ужаса у меня перехватило дыхание. Сердце замерло, а затем забилось с бешеной скоростью. Дрожь усилилась, и я почувствовала, как подкосились ноги. Теперь мной овладел первобытный ужас, от которого в жилах стыла кровь. Приговор Инквизиторов означал для меня верную гибель.

Едва Инквизитор произнес последние слова, воздух разрезал характерный свист. Неведомая сила подхватила и подбросила меня, будто я была пешкой в чьей-то жестокой игре. Руки и ноги стало тянуть в разные стороны, словно меня решили порвать как тряпичную куклу. Боль была невыносимой, но я не могла кричать: голос пропал, а грудь сдавило безжалостными тисками.

Мир вокруг закружился, как карусель, и я потеряла сознание, погружаясь в темноту, полную кошмаров и безысходности.

В какой-то момент руки вытянулись над головой, и все мое тело взорвалось от мучительной боли. Она пронзила каждую клеточку, заставив голос прорезаться. Я извивалась как змея, стараясь вырваться из невидимых пут, которые ме-

ня сковывали. Но каждый раз, когда я пыталась сдвинуться, боль лишь усиливалась.

Удары плети, которую Инквизиторы любовно называли «Печать Крови», посыпались на мое бедное измученное тело один за другим. На коже не просто оставались кровавые полосы — плеть стегала с такой силой, что внутри, казалось, ломались кости.

Я кричала, срывая голос до хрипа. Легкие горели, но я не могла остановиться. Боль была невыносимой, и я не знала, сколько еще смогу выдержать.

С каждым ударом плети на теле расцветал алый узор. Пошевелиться было невозможно: путы, словно железные цепи, сковывали меня полностью.

Но когда эти сети почти добрались до солнечного сплетения, окружив мой магический резерв, все изменилось...

— Стойте! — голос Маршала, полный ярости и недовольства, вдруг резанул по ушам.

Я вздрогнула от этого звука, чувствуя, как внутри меня все замирает.

— Я имею право выкупить грех ведьмы! — продолжил альфа, не сводя с меня прожигающего насквозь взгляда.

— Ты... — с трудом прошептала я. Если бы я могла, испепелила бы его в ответ. — Это ты натравил их на меня! Ты едва меня не убил!

— Ты нарушила закон, Видящая, — невозмутимо ответил Маршал, словно ничего не случилось. Его голос был ровным,

но в нем слышалась скрытая угроза. — Ты нарушила наш договор. Ты не имела права использовать свой дар ни для других, ни для себя.

Глава 2

Он давил своей властью, своей силой. Вынуждал сотрудничать, слушаться...

— А ты, Видящая, не просто нарушила закон, но и не подумала о последствиях... Чувствуешь, насколько пусто в тебе стало? Даже твоя спящая ипостась почти издохла... И все это — назло мне? Чтобы только не работать на меня? — с презрением выплюнул альфа.

Он не испытывал ни сочувствия, ни капли сожаления. Он говорил со мной так, словно знал, что добьется своего. Любой ценой.

Я ощущала лишь его мрак, его пугающую энергетику. Она окутывала меня, поглощая все тепло и свет словно черная дыра. Я чувствовала, как под его натиском тают мои силы, как исчезает моя магия.

— Не смотри на меня так, — тихо сказал Маршал, не скрывая насмешки. — Ты сама виновата в том, что оказалась здесь.

— Не смотри? Ты забыл, альфа, я слепа уже много лет... — прошептала с горечью. — А сейчас ты лишил меня последней надежды снова увидеть свет...

Я закрыла глаза, пытаюсь справиться с болью и отчаянием. Я знала, что это только начало. Чувствовала каждым сво-

им нервом, что впереди меня ждет еще больше испытаний и этот альфа станет моим главным врагом.

Моим палачом.

Его запах окутывал плотным, удушливым покрывалом, проникая в поры моей кожи словно ядовитый дым. Он был тяжелым, мускусным, к нему примешивался привкус металла и горечи. Этот запах вызывал во мне дрожь, смешанную с ледяным ужасом, который сковывал тело и лишал способности дышать. Я ощущала, как внутри меня все сжимается, а сердце колотится в груди, словно пойманная птица.

Этот коктейль эмоций — смесь страха, ненависти и какого-то первобытного трепета — выводил меня из себя. Я не понимала, как можно испытывать такие противоречивые чувства одновременно. Как можно настолько сильно ненавидеть кого-то, но при этом чувствовать какое-то странное, почти болезненное влечение?

— Ты дал мне трое суток, и они еще не прошли... — произнесла я, стараясь говорить спокойно, хотя голос предательски дрожал.

На мою попытку выторговать себе отсрочку Маршал лишь усмехнулся. Его смех прозвучал в тишине как раскат грома. Я ощущала кожей его собственнический взгляд, тяжелый и давящий, словно он пытался проникнуть в самую глубь моей души. Глаза альфы, холодные и безжалостные, впивались в меня, как острые когти, оставляя жестокие раны где-то внутри.

— Я передумал, — сказал Маршал с угрозой. — Решил, что ты натворишь глупостей. И оказался прав!

Я попыталась усмехнуться, но боль, терзающая тело, не позволила.

— Ритуал на крови! — продолжал рычать альфа, сгорая от ярости. — Ты рехнулась? Решила назло мне выжечь свой магический резерв?

Черный Маршал на мгновение замолчал, переводя дух, словно сдерживался изо всех сил, чтобы не придушить меня.

— Ты единственная, у кого настолько сильно развит дар Видящей... Что, позволишь Инквизиторам выжечь твой резерв? — Его голос зазвучал отстраненно, но в нем проскользнуло что-то зловещее. — Ты действительно думаешь, что это поможет тебе избавиться от меня? Я бы нашел другой, еще более болезненный способ вернуть твой дар, и он бы тебе не понравился...

Альфа вздохнул, словно ему надоело объяснять несмысленную простую истину.

— Так или иначе, ты все равно будешь работать на меня.

— Даже если этот дар медленно убивает меня? Причиняет боль? — попыталась последний раз воззвать к его жалости.

Как же я ошибалась...

У Черного Маршала не было ни души, ни сердца. Ни чувств. Он — хладнокровный подонок, способный пойти по головам, разрушить чужие судьбы ради достижения собственных целей.

И сейчас он растоптал мою последнюю надежду на нормальную жизнь.

Я даже не смотрела на него, чувствовала лишь, что его слова проникали в меня, как острые осколки льда, и резали изнутри. Ненависть к нему заглушала боль, придавала сил и заставляла сопротивляться. Бороться до последнего.

— Итак, Дарина, твой выбор? Сделка со мной или смерть?

Передо мной, словно тень, появился его высокий темный силуэт. Черные доспехи Маршала блестели, отражая тусклый свет свечей. Я видела его тьму своим даром. Его голос был холодным, как зимняя ночь, а каждое слово било наотмашь.

— Откажешься — потеряешь все. Магию, вторую ипостась... Жизнь.

Я сжала кулаки, чувствуя, как внутри все кипит от гнева и отчаяния. Его слова, как кинжалы, вонзались в мое сердце, но я не могла позволить себе сломаться.

— Проклятый Маршал... Ты даешь выбор без выбора! Откажусь — умру, соглашусь на твою позорную сделку — умру. Какая разница?

Он медленно поднял руку, и из нее вырвался яркий сгусток энергии. Я замерла, чувствуя, как воздух вокруг становится тяжелее, словно треща от напряжения.

— Выживешь, — жестко произнес альфа, словно ударив хлыстом. — Обретишь свободу... Возможно. Ты, Дарина, единственная в нашем мире, равная мне по силе и магии.

Единственная с даром Видящей... Только ты сможешь выдержать мою Тьму... Ты согласишься на сделку!

Это был не вопрос — утверждение.

— Променяю одну тюрьму на другую... — прошептала я, ощущая на себе его взгляд. Глубокий, как бездна, из которой нет пути назад.

Маршал застыл напротив меня, у высокого узкого окна, забранного черной решеткой. Сквозь щели пробивались первые лучи рассвета, окрашивая камеру в мрачные багряные тона. Время ускользало сквозь пальцы. Это был последний рассвет в моей короткой жизни. Я даже не видела его — лишь чувствовала с помощью своего дара.

После приговора Инквизиторов моя сила Видящей приобрела все оттенки Света и Тьмы.

— Мое предложение растает с восходом солнца. Едва руки коснется свет... — проговорил альфа стальным тоном. — Решай!

За пытками я не почувствовала, как пролетела ночь...

— Раз... Два... Три...

С каждым произнесенным словом воздух вокруг становился плотнее, а тьма в комнате — гуще. Я знала, что время уже на исходе. Мой выбор должен был стать последним ходом в этой игре.

— Я согласна, — прошептала сдавленно, и в тот же миг тьма рванула от альфы ко мне. Она ворвалась в мое тело, заставляя задыхаться, хрипеть от боли.

Сила альфы разом заполнила все пространство. Тени зашевелились, заматывая меня в плотный кокон.

Мой Свет и его Тьма схлестнулись, сплелись воедино, закружились вокруг меня и альфы, связывая нас навеки.

— Хорошо, — удовлетворенно сказал Маршал, хоть его в голосе все еще сквозила угроза. — Теперь ты моя.

Глава 3

Дарина

То, что происходило дальше, больше смахивало на оживший кошмар.

Все мое тело скрутило от невыносимой боли. Казалось, агония разливалась по венам, царапая меня острыми шипами изнутри. Боль впивалась в каждую клеточку, разрывала на части, кромсала в окровавленные лохмотья все нервные окончания.

Подвешенная в воздухе, закованная в магические оковы, я выгибалась, кричала, срывая голос до хрипа. Темноту перед глазами озаряли яркие всполохи. Повсюду сверкали молнии, стрелами пронзая голову. Виски сдавливало все сильнее и сильнее. Казалось, еще немного — и я просто отключусь от мучений.

Тьма альфы и мой Свет схлестнулись, слились во мне, объединились в ураганном вихре. Энергия лилась мощным потоком, закручиваясь спиралью и сбрасывая меня в темную бездну. Магия крутилась вокруг меня, окутывала с ног до головы. Молнии били прямо в тело, сверкали ослепляющими вспышками, так, что я видела их свет даже своими мертвыми глазами.

На мгновение тьма передо мной рассеялась. В висках запульсировало. Смесь Тьмы и Света растеклась по венам... Я продолжала кричать до боли в горле, до хрипов, которые обжигали легкие. Внутри меня бушевал огонь, пожирая каждую клетку, каждую мысль. Я чувствовала, как мои внутренности разрываются на части, как кожа превращается в пепел. Я рассыпалась в прах, оседая серой пылью у ног альфы, который не отрывал от меня холодного, безжалостного взгляда. Его глаза были полны торжества и садистского удовольствия, а я задыхалась в агонии, раздирающей меня на куски.

Магия, подобно раскаленной лаве, хлынула по моим венам, обжигая изнутри. Оковы рухнули, и мои руки безвольно упали на пол, как тяжелые плетеные канаты. Я словно наблюдала за всем со стороны, не понимая, что происходит.

Всегда считала себя полукровкой — смесью ведьмы, оборотня и чего-то темного, мрачного, пугающего. Но лишь теперь я чувствовала, что это нечто пробуждается, поднимается из глубин моей души...

Энергетические потоки подхватили мой прах с пола камеры, закружили его в вихре и начали сплетаться в нечто новое. Я чувствовала, как мои сущности сливаются воедино, соединяясь не только на физическом, но и на молекулярном, энергетическом уровне. Это было похоже на танец, где каждая частица стремилась к гармонии.

Вдруг я снова ощутила свое тело. Телесная и энергетическая оболочки вновь стали единым целым. Я зависла в возду-

хе, глядя на себя словно со стороны. Вот я — человек, хрупкая девушка с испуганными глазами. А вот — волчица, сильная, дикая, готовая разорвать любого, кто встанет на пути.

Я упала на каменный пол, и боль пронзила меня насквозь. Это была уже не та боль, что мучила меня раньше. Это была боль трансформации, боль рождения новой сущности.

Мое тело выгнуло дугой, словно невидимые силы пытались разорвать его на части. Мышцы горели, кости трещали, каждая клеточка билась в невыносимой агонии. Я скулила сквозь стиснутые зубы — не могла сдерживаться. Перед глазами вспыхивали яркие пятна, виски прошибали электрические разряды. В ушах звенело, как будто в голове бушевал ураган.

— Что это... — прохрипела я, с трудом поднимая взгляд на Маршала.

Дар позволял видеть лишь размытые очертания его лица, непроницаемого и бесстрастного. Альфа наблюдал за мной, как за чем-то обыденным, хладнокровно, без тени сочувствия. Он не был ни человеком, ни зверем — от него исходила ледяная, обжигающая энергетика, что проникала под кожу, замораживая и сжигая одновременно.

Проклятый волчара смотрел на меня молча, наслаждаясь моими страданиями. Его глаза блестели от удовольствия, он упивался властью надо мной, унижением меня, моей болью. Он насыщался ею, словно питал собственную тьму, которая разрасталась внутри него, поглощая свет.

— Ты возвращаешь себе утерянную ипостась, — произнес как приговор. — Это продлится дольше, чем у обычных оборотней. Время первого оборота утрачено, и теперь твое тело должно пройти через это само — стерпеть муки. Будь я твоим альфой и прими ты мое предложение, я бы помог тебе пройти через Сумерки, облегчил боль. Но ты отказалась. Так пожинай плоды собственной глупости.

Слова Маршала ранили меня глубже, чем кинжалы. Я чувствовала, как магия пронзает мое тело, и в него вливается темная, чужеродная энергия. Она проникала в каждую клетку, изменяя меня грубо и беспощадно. Энергетические разряды прошибали насквозь, заставляя вопить от боли, но я не могла вырваться, не могла остановить этот процесс. Тело становилось мне чужим, незнакомым.

Я была лишь беспомощной жертвой, запертой в этом аду. Мое тело начало меняться, теряя человеческие очертания и будто растворяясь в черной бездне. Я наблюдала за собой словно со стороны. Плотный магический кокон не просто окутал меня — поглотил целиком. Воздух вокруг буквально потрескивал от напряжения, словно сама природа сопротивлялась этому превращению.

По коже прокатилась новая волна мучительной боли, словно тысячи раскаленных игл вонзились в мою плоть. Я слышала, как кости ломаются с отвратительным хрустом. Каждая клеточка изнывала от боли, будто я была живой мишенью для сотен ножей. Трансформация терзала меня, вы-

ворачивая душу наизнанку и перестраивая саму основу моего существования. Я корчилась на холодном полу, издавая жуткие, нечеловеческие звуки. Это были крики отчаяния, смешанные с яростным воем.

Вдруг магический ореол вспыхнул ослепительным светом, разрывая тьму и переплетая ее с сиянием. Энергетический кокон запульсировал, как живое существо, готовясь к рождению чего-то нового, но смертельно опасного.

Две сущности слились в мучительном танце боли и возрождения. Человеческая часть моего сознания отчаянно сопротивлялась, пытаясь удержать контроль. Но волчица, дикая и первобытная, оказалась сильнее. Она рвалась наружу, сметая все преграды как ураган и вытесняя разум куда-то за пределы сознания.

И вот, когда Тьма и Свет достигли своего пика, кокон разорвался с оглушительным треском. Из него вырвалась тень — воплощение самой ночи. Она была одновременно ужасающей и завораживающей, ее глаза неистово сверкали, а тело переливалось как зеркало, отражая мою боль и ярость. Это была я, но уже не прежняя — совершенно другая. Волчица одержала верх, и теперь я была ее пленницей. Ее добычей.

Когда энергетический кокон рассеялся, появилась она — древняя сила, дремавшая столько лет. Огромная, истощенная, но величественная волчица возвышалась посреди камеры. Ее шкура переливалась серебром, словно на нее пада-

ли лунные лучи, а глаза, несмотря на слепоту, светились огнем. Этот свет был настолько ярким, что, казалось, прожигал тьму, вселяя ощущение чего-то неизбежного.

Зверь стоял на дрожащих лапах, и его тело содрогалось от последствий долгого заточения. Протяжный, душераздирающий вой разнесся по камере — крик боли и освобождения одновременно. Этот вой проникал в самое сердце, заставляя меня чувствовать каждую рану, каждую царапину на теле волчицы, словно они были моими собственными. Мы были едины, несмотря на разделяющие нас барьеры, и это единство обжигало изнутри.

Сознание начало затуманиваться, и уже вскоре я погрузилась в спасительную темноту. Когда очнулась, все еще была в волчьем облике. Ненависть к Маршалу пылала в груди огнем, затмевая все остальное. Тело все еще содрогалось от отголосков боли и воспоминаний о прошлом, но я знала: это только начало. Начало моего пути к мести, свободе. Волчица была готова рвать и метать, бороться до конца, чтобы вернуть то, что было у нее отнято.

Даже в облике зверя я оставалась слепой, заточенной в собственной беспомощности. Могучий хищник, не способный видеть свою добычу. Волчица металась по камере, будто запертая в клетке, принюхивалась к воздуху, пытаясь уловить малейшие вибрации окружающего мира. Каждый шорох, каждый звук казались оглушительными в этой удушающей тишине.

Обостренные чувства компенсировали потерю зрения, но не могли смягчить ледяного ужаса, сковывающего мое сердце. Я слышала, как бешено колотится сердце Маршала, как шуршит его одежда при малейшем движении, как дрожит камень под его весом. Слышала его дыхание, горячее и прерывистое. Он был словно не человеком, а воплощением самой тьмы. Обоняние уловило металлический запах его крови, смешанный с терпким ароматом власти, который проникал в поры моей кожи, заставляя содрогаться от отвращения и страха.

Когда Маршал склонился надо мной, я оказалась в ловушке его тени. Присутствие альфы было столь осязаемым, что я не могла определить его точное местоположение — слишком хорошо он умел скрывать себя, словно был призраком, скользящим по краю реальности.

В стенах камеры прозвучал приговор, который я не могла оспорить:

— Теперь ты наконец-то станешь собой. Теперь ты полностью в моей власти...

Каждое слово Маршала было пропитано торжеством. От тяжелой ауры превосходства воздух вокруг нас стал густым, как смола. Я зарычала, но мой голос был лишь слабым эхом в этом мрачном мире.

Борьба за свободу, за саму себя, за право быть тем, кем я всегда хотела быть, только начиналась. Я отчетливо это понимала.

Глава 4

Максим

Первый оборот ведьмы прошел куда сложнее и болезненнее, чем я ожидал. Она извивалась от неистовой боли, как змея в огне. Кости ломались с хрустом, а кожа трескалась, словно тонкая бумага, и осыпалась пеплом. Через некоторое время ее тело обратилось в прах, и осталась лишь пустота...

Я наблюдал за этим хладнокровно, но внутри меня бушевала буря эмоций. Я видел, как хрупкая человеческая оболочка превращается в нечто мощное и опасное. Она стала волчицей, но какой ценой?

Я не соврал ей. Обычно первый оборот происходит в момент начала полового созревания, строго под присмотром альфы стаи. Только вожак способен унять невыносимую боль и провести новообращенного через этот ад.

Альфа — не просто титул. Это тот, кто может воззвать к только что рожденной волчице, поманить ее за собой, провести через сумеречные тропы. Он — ее опора, ее защита и сила. Без него она ничто. Жалкое создание, слабое и безвольное. Только альфа способен сделать ее по-настоящему сильной.

Но в то же время и волчица может сделать своего альфу могущественнее, стать источником его силы, «крыльями» за

его спиной. Думая об этом, я чувствовал, как во мне пробуждаются неуместные желания. Если бы она стала моей волчицей, если бы признала меня своим альфой, я ощущал бы себя гораздо сильнее...

Тут же отмахнулся от непрошенных мыслей. Это не мое дело. У меня есть цель: сделать работу и поймать преступников. И ведьма нужна мне только для этого.

Все. Больше никаких эмоций. Только холодный расчет и железная воля.

И все же помимо желания проучить ее была еще одна причина, почему я не стал вмешиваться...

Дарина — не просто волчица. Она смесок, единственный в своем роде. Смесь оборотня и ведьмы с силой, которая, возможно, даже превзойдет мою или станет равной мне... Если она не сломается.

Я и сам не до конца понимал ее силу, не знал, на что Дарина способна. Нам предстояло выяснить это вскоре...

Видящая Тьму ведьма и оборотень — гремучая смесь. Не инициированная, необученная... Взрывоопасное сочетание, подпитываемое яростью и ненавистью ко мне. Пока она не смиритса со своей участью и не научится контролировать себя, ей придется гасить ненужную агрессию.

Существовало лишь два способа провести инициацию, и мне подходил только один — через невыносимую, мучительную боль. Спонтанный оборот, спровоцированный слиянием моей Тьмы и ее Света, прошел именно так, как было нуж-

но.

Слияние зверя с человеком началось. Я чувствовал, как тьма внутри меня переплетается со светом, который Дарина пыталась удержать. Это было похоже на танец на грани, где каждое движение могло стать последним. Но мы оба знали: если выживем, станем чем-то новым... поистине особенным.

По правде говоря, меня не волновало, что из-за меня ведьма до конца жизни может остаться слепой. Ради достижения цели я готов был на что угодно. Даже растоптать ее надежды обрести зрение. Я знал, что этот шаг необходим, и он оправдывает себя, если Дарина поможет предотвратить грядущую катастрофу.

Сжал кулаки, чувствуя, как внутри зреет решимость. То, что нам предстояло сделать, через что предстояло пройти, было намного важнее зрения какой-то Видящей. Если ведьма станет нашим союзником в борьбе против грядущего хаоса, это будет лишь малой жертвой.

Жалобный скулеж впервые обращенного и дезориентированного зверя вырвал меня из мыслей. Я взглянул на оборотня, только увидевшего этот мир, и ощутил, как по спине пробежал холодок. Слабая, беспомощная белая волчица смотрела на меня с ненавистью и отчаянием. Ее взгляд, затуманенный болью и яростью, словно прожигал меня насквозь, а глаза казались окнами в мир, полный страданий и потерь.

Ярко-голубые, с серебристыми крапинками, они мерцали, словно звезды на ночном небе. В отличие от других оборот-

ней, у Дарины не было вертикальных зрачков, и это придавало ее глазам особую, мистическую красоту. Никогда в жизни я не видел ничего более прекрасного и одновременно жуткого. Этот взгляд напоминал древний океан — насыщенно-голубой, с вкраплениями темно-синей бездны.

Что за чертовщина? Я тряхнул головой, прогоняя навязание. Нахмурился, вспомнив, как едва не провалился в пучину ее глаз...

Хрень какая-то!

Волчица тихо рычала. Хотя и не с первой попытки, но все же она смогла подняться. Дрожа всем телом, упрямо продолжала стоять на подкашивающихся лапах, когда более слабая особь рухнула бы на месте. Я знал, насколько выматывает первый оборот. Волк вырывается на свободу слабым и беспомощным. В этот момент он — идеальная добыча.

Волчица тяжело дышала, почти что задыхаясь, и, слегка опустив голову, не сводила с меня полного ярости взгляда. Из ее горла вырывались хриплые, булькающие звуки. Шерсть на спине вздыбилась, прозрачные, словно алмазные когти нервно скребли каменный пол камеры.

Оборотень оскалилась, готовая атаковать несмотря на слабость. Усмехнулся. Слабая, исхудавшая, сгорающая от ярости и желания отомстить волчица жаждала разорвать мне горло...

Мы точно сработаемся.

— Стоять! — рявкнул, приправив приказ силой альфы,

слегка надавив и вынудив покориться. — Лежать!

Но добился ровно противоположного эффекта. Волчица взъерепенилась, заскребла лапами по полу, всем своим видом показывая, что она думает о моих приказах.

Передо мной стояла не просто какая-то слабая особь. Это была ведьма, чья сила бушевала как шторм, готовый смести все на своем пути. Ее глаза горели яростью и решимостью, а сильная аура давила словно невидимый пресс. Я предчувствовал, что это будет непростая схватка...

— Тихо, девочка, тихо! — прорычал, сжимая кулаки и направляя всю свою волю, чтобы подавить ее сопротивление. — Ошейник, быстро!

Страж, не теряя ни секунды, поднял тяжелую решетку, шагнул вперед и протянул мне ошейник. Я схватил его, чувствуя, как адреналин обжигает вены.

В тот же миг волчица взревела, словно дикий зверь, и бросилась на меня. Я увернулся, но не без труда. Когти прочертили воздух там, где только что была моя грудь. Я перехватил ее одной рукой за шею, прерывая атаку и ощущая, как напрягаются мышцы. Второй рукой быстро, почти механически нацепил на нее ошейник подчинения.

Щелчок замка прозвучал как выстрел, и серебристый блокиратор вспыхнул ярким голубым светом. Волчица замерла, словно молнией пораженная. Ее тело обмякло, но в глазах все еще пылал огонь.

Она заскулила, пытаясь вырваться, но ошейник сдержи-

вал ее, как стальной капкан. Я почувствовал, как внутри меня что-то изменилось. Это была не просто победа. Это была встреча с чем-то невероятным.

Я потрепал ее за холку, стараясь успокоить, но она лишь зарычала, обнажив острые клыки. Ее взгляд, полный ненависти, буквально говорил мне: «Ты еще пожалеешь об этом».

— Чувствую, мы с тобой сработаемся, — усмехнулся я, стараясь говорить спокойно, хотя у самого внутри бушевала буря эмоций. — У меня есть для тебя предложение, от которого ты не сможешь отказаться. Но сначала отдохни и наберись сил. Впереди у нас много работы.

Волчица дернулась, пытаясь освободиться, но ошейник не позволил. Я потянул ее за поводок и, несмотря на сопротивление, вытащил из камеры.

Она упиралась, рычала и скрежетала когтями по полу, но я не ослаблял хватку. Спротивлялась изо всех сил, но я был как скала — непоколебим.

— Пошли, — процедил сквозь зубы и потянул ее за собой. — Теперь ты моя собственность, а я не бросаю своих людей. Тебе нужно немного времени, чтобы прийти в себя, а потом начнем работать.

Мы вышли в тесный коридор тюрьмы. Волчица была сильна, но ошейник подчинения превращал ее в безвольную марионетку. Ее тело дрожало словно натянутая струна. Я знал, что она не смирится, но у меня не было выбора.

— Прекрати сопротивляться, — сказал я ледяным тоном,

— себе же хуже делаешь. С каждым твоим движением электрические разряды усиливаются. Ты сама себе причиняешь боль.

Я перевел дух, стараясь не выдать своих эмоций. Впереди нас ждал долгий и опасный путь, и я не мог позволить себе проявить слабость.

— Сначала заедем кое-куда, — продолжал я, пытаясь отвлечь ее от боли. — Ну а потом за работу. Мне некогда с тобой возиться. За трех преступников объявлена хорошая награда. Если поможешь их найти, я отпущу тебя. Дам сутки на восстановление, и начнешь работать на меня.

Волчица вновь зарычала, ее глаза гневно сверкнули, но я не отвел взгляд. Я легко дотащил ее до выхода. Внутри все кипело от напряжения и азартного возбуждения. Впереди нас ждали испытания, но я был готов ко всему. Эта волчица могла стать не только моей силой, но и причиной падения...

Я подхватил ее на руки, и в тот момент, когда ее тело коснулось моей груди, что-то внутри меня перевернулось. Внезапно волчица перестала сопротивляться, как будто ждала именно этого. От белой шерсти исходил холодок, словно она была живым воплощением зимней ночи, а ее запах щекотал мои ноздри.

Я замер, пытаясь понять, что это за странный, завораживающий аромат. Он напоминал смесь пряностей и специй, но в нем было что-то неуловимо знакомое, что-то, что будоражило воспоминания, вызывало странное чувство тепла

и тревоги одновременно. Я невольно вдохнул глубже, и мое сердце забилося чаще. Внутри меня все сжалось, словно это было что-то большее, чем просто запах.

«Еще не хватало испытывать влечение к Ведьме и отступнице!» — подумал я, нахмурившись.

Эта мысль отрезвила меня, и я чуть ли не разжал руки. Но, взглянув на измученное тело волчицы, решил, что это было бы жестоко. Ее дыхание оставалось тяжелым и прерывистым, глаза были прикрыты. Оборот забрал все силы — магический резерв опустел...

Вина начала разъедать меня изнутри, как кислота.

Глава 5

Ворота тюрьмы разъехались в стороны, и я вышел на улицу. Холодный ветер ударил в лицо, заставив меня вздрогнуть. Машина стояла рядом, я подошел к багажнику. Волчица вдруг напряглась и попыталась вырваться. Я крепче прижал ее к себе, и она снова замерла. В голубых глазах мелькнуло что-то, что я не смог разобрать, — то ли страх, то ли отчаяние.

— Мой кожаный салон не предназначен для перевозки волчиц! — попытался сказать безразлично, но в голосе все равно проскользнули нотки раздражения.

Багажник тачки, напичканной всякими техномагическими штуками, открылся по моему мысленному приказу. Я осторожно уложил туда волчицу, стараясь не причинить ей боль. Она зарычала — звук был похож на стон. Я уже собирался захлопнуть крышку, когда услышал ее шепот у себя в голове:

— Пожалуйста...

В одном-единственном слове было столько отчаяния, что я замер.

Ее голос напоминал шелест осенних листьев, тихий плач ветра в ночи. Я не мог оторвать от нее взгляд, вновь чувствуя, как внутри все сжимается в тугой комок. Но крышка

багажника хлопнула сама по себе, словно лезвием ножа отрезав ее от меня.

Сев за руль, я с трепетом провел рукой по кожаной оплетке. Машина не просто была моей гордостью — мне достался раритет, один из пяти уникальных экземпляров во всем мире. Я любил ее как живую, и лишь одна мысль о том, что в салон попадет волчица, вызывала во мне отвращение. Увы, сейчас это был единственный способ доставить ее в безопасное место.

Я завел двигатель и плавно тронулся с места. Чувство, что эта отступница навсегда изменит мою жизнь, никак не покидало меня.

Вдруг в зеркале заднего вида мелькнула размытая тень с яркими всполохами глаз. Сердце забилося быстрее от предвкушения, я резко свернул на обочину и обернулся.

Облако тьмы рассеялось, и в салоне появилась она. Дарина, моя белая волчица. Словно призрак из кошмаров, она возникла в окружении тьмы и голубых всполохов, которые казались почти живыми. Она спокойно легла на заднее сиденье, лениво зевнула и оскалилась, с вызовом уставившись на меня.

На мгновение мне даже показалось, что она снова видит. Слишком уж красноречив был ее взгляд.

Воздух в машине буквально наэлектризовался, затрещал от напряжения. Темная сила окутала нас — магия волчицы была ощутима, словно она сама стала ее воплощением.

Дарина быстро освоила магию, ведь действовала так, будто знала все с самого начала. Это было одновременно удивительно и пугающе.

Отлично.

Я даже перестал злиться. Все происходило куда лучше, чем я ожидал.

— Да ты совсем обнаглела, — понизил голос, стараясь сохранить самообладание.

Недолго думая, решил поставить ее на место. Ментально отдав приказ, я сжал ошейник подчинения и наполнил его магией. Волчица вздрогнула, но не шелохнулась. Я чувствовал, как ее сила борется с моей, и это только разжигало во мне азарт.

— Теперь ты моя, — сказал, не скрывая угрозы в голосе.

Вскинув голову, она посмотрела на меня с решимостью, прожигающей до костей. Похоже, в волчьем обличье Дарина и впрямь не была слепа... Это пугало, но в то же время вызывало уважение. Ее внутренняя сила продолжала бороться с болью, и это только разжигало во мне ярость.

Визг волчицы разорвал тишину, словно удар ножа. Она задержалась от невыносимой боли, ее когти начали раздирать сиденье, оставляя на гладкой коже глубокие борозды. Я стиснул зубы так сильно, что они закрипели, но ошейник все же отпустил. Понял, что в этот раз сам все испортил. Не помня себя от гнева, завел мотор и сорвался с места. Сейчас я был готов разорвать ее на куски, но не мог, и эта мысль обжигала

меня, как раскаленный металл.

Она была слишком ценна.

Эти эмоциональные качели бесили до безумия. Выводили из себя так, что хотелось кричать! Я столько усилий приложил, чтобы она оказалась здесь. Разыграл все, как шахматную партию, где каждый ход был тщательно продуман. Стая от нее отказалась. Идею с проклятым ритуалом я подбросил ей как приманку. Даже вселил надежду на то, что она вернет зрение, прекрасно понимая, что на этот раз мои Инквизиторы ее точно найдут.

На все это ушел целый год! Год планирования, интриг, манипуляций. И вот наконец момент настал. Она оказалась под моим контролем, в моей машине. Моя добыча.

Кожаное сиденье раритетной тачки — ничтожная плата за возможность владеть столь ценным активом. Это не просто приобретение — это сокровище, которое у меня обязательно захотят перекупить. Ведьма с даром искать Тьму в душах и видеть тех, кто существует на обратной стороне Света.

Да, я хотел ее продать... Когда выжму из нее все, что мне нужно. Я знал, что этот день настанет.

Теперь она — моя волчица, моя добыча, моя сила. Мой шанс. Мой триумф.

Глава 6

Дарина

Слабая. Беспомощная. Испуганная. Я шипела и рычала на врага, как только получила власть над телом. Пошатываясь, поднялась на все четыре лапы, готовясь к битве. Но Маршал быстро пресек мое сопротивление.

Он надел на меня подчиняющий, сковывающий магию ошейник, словно на рабыню. Проклятый ублюдок подавлял малейшее сопротивление, заставляя меня слушаться.

Уволол меня за собой...

Зверь сопротивлялся из последних сил, едва переставляя лапы. В какой-то момент волчица почти отключилась. Тогда...

Маршал выругался, поднял меня на руки, отнес к своей машине и просто положил в багажник. Словно какой-то балласт, ненужную вещь.

Едва крышка багажника захлопнулась, я заметалась по темному пространству, словно загнанная в ловушку. Задыхалась, хрипела, скулила, пытаюсь найти выход, но все было бесполезно.

Меня охватила паника, отчаяние. Сердце заколотилось как бешеное, а в ушах застучала кровь. Собрав последние силы, я использовала остатки магии, несмотря на невыноси-

мую боль от ошейника. Я пожелала оказаться в безопасном месте, где смогу вновь стать собой.

Устремилась к свету...

Тело волчицы замерцало, и в следующее мгновение я оказалась в салоне дорогушей тачки Маршала.

Машина мчалась по ночному городу с огромной скоростью, увозя нас в неизвестность. Свет фар разрезал темноту, но внутри меня все равно царил непроглядный мрак. Волчица все еще владела моим телом, и ее молчание было как удар по сердцу.

Неужели сейчас, рядом с нашим врагом, безопаснее, чем вдали от него?

Я лежала на заднем сиденье, перенесясь туда в облике волчицы. Боль не просто отступала — она исчезала, уступая место незнакомой, пульсирующей связи с сущностью, которая теперь была мной.

Ненависть к мужчине за рулем была всепоглощающей, почти осязаемой. Я смотрела ему в спину, чувствуя, как воздух вокруг накаляется от моих эмоций. Клыки обнажились сами собой в немом рыке. Я жаждала его крови, его боли. Хотела вцепиться ему в глотку, рвать, пока от него не останутся лишь окровавленные клочья.

«Тише», — пророкотал внутри голос Зверя.

Не ее голос, а *наш*.

«Он сильнее. Сейчас. Ошейник жжжет. Копим силы».

Зверь был прав. Оставалось только затаиться, молча нена-

видеть. Ждать, пока магический резерв, почти выжженный болью трансформации, не наполнится. Откуда-то из глубин, из самых потаенных уголков нашей новой сущности, поднималась странная, первобытно дикая сила. Она бурлила, как раскаленная лава в жерле вулкана, грозясь взорваться в любой момент и разорвать меня изнутри.

Я смотрела на переднее сиденье, где, намертво вцепившись в руль, сидел альфа. Его лицо было искажено смесью ярости и тревоги, а в глазах горел холодный огонь. Присутствие Маршала вызывало во мне противоположные чувства: от ненависти до странного, почти болезненного влечения.

«Я его вижу! — тихо прошептала я, пытаюсь справиться с нахлынувшими эмоциями. — Значит, как волчица я вовсе не слепа! Я вижу его, чувствую его, даже когда он пытается скрыть свою сущность».

Маршал не переставал ругаться, в его голосе слышалась злоба и отчаяние. Он что-то бормотал себе под нос, словно пытаюсь найти выход из этой безумной ситуации. Периодически отвлекался от дороги и бросал на меня быстрый пронзительный взгляд, полный ненависти и презрения.

Я видела его Тьму. Ее очертания, ее мощь. Она кружила вокруг нас как смерч, окутывая плотным коконом, из которого невозможно выбраться. Она проникала в каждую клеточку моего тела, заставляя чувствовать себя пленницей этого мрачного мира.

Лежала, рычала, сгорая от ярости, от слепой, безумной

жажды вцепиться в горло подлого Маршала. Хотела растерзать его, разорвать в клочья, почувствовать, как его кровь потечет по моим клыкам, услышать, как крик боли разорвет тишину.

Этот проклятый ошейник сдавливал горло, не давая вдохнуть, сковывал движения, лишал воли. Я понимала, что сопротивляться бессмысленно.

Но сейчас у нас со Зверем появилась возможность передохнуть. Закрыла глаза, восстанавливая дыхание, чувствуя, как сердце замедляет ритм. Зверь внутри меня, моя волчица, тоже восстанавливался, набирал силы. Я знала, что скоро мы будем готовы. Готовы к атаке, к битве, к тому, чтобы разорвать цепи, что сковывали нас, и наконец обрести свободу.

Проклятый Черный Маршал забрал у меня все. Надежду на нормальную жизнь, на счастье, на свет. Он убил во мне все светлое, оставив лишь пустоту, в которой росло отчаяние. Вторжение его Тьмы превратило меня в тень самой себя. Моя душа умирала, а вместо нее рождалось нечто темное и жестокое. Он оставил после себя лишь безумную жажду мести, которая сжигала меня изнутри.

Именно моя волчица удерживала меня на краю. Шансов на спасение почти не было, и она использовала последние крохи нашей магии. Зажмурившись, я вдруг оказалась в странном темном месте. Лишь на небольшом пятачке, освещенном яркими, пульсирующими голубыми всполохами, сидела я и белая волчица.

Мы смотрели друг на друга некоторое время. Белоснежная, с серебристой гладкой шерстью, она выглядела величественно и пугающе. Зверь наблюдал за мной так же, как и я за ним, и в этом молчаливом противостоянии было что-то первобытное, почти мистическое.

Ее образ временами мерцал, словно отражение в капле воды, то появляясь, то исчезая. Волчица поскуливала, и каждый ее стон отдавался в моем сердце болью и тревогой. Я видела, как ее тело дрожит, как будто она пытается справиться с невидимой силой, что держит ее в плену.

— Ты хотела меня бросить! — раздался в моей голове грозный рык. — Хотела оставить меня одну! Ты заперла меня! Не выпускала на волю! — продолжала она, и в ее словах было столько боли, что на глаза стали наворачиваться слезы.

— Да я понятия не имела, что ты вообще во мне существуешь! Я не знала, что я оборотень! — попыталась оправдаться, но мои слова утонули в ее яростном реве. — Я смогу видеть как человек? — спросила, надеясь на чудо.

— Не знаю... Как зверь — да. А как человек... Надежда все еще есть, но она такая зыбкая... Сначала нам нужно освободиться от проклятого ошейника и убить Маршала! — зарычала волчица, и этот звук эхом разнесся по всему темному пространству. — Вместе мы справимся. Прими меня, мы станем одним целым!

— Принимаю! — ответила я.

Мои слова прозвучали как клятва. Я мысленно потяну-

лась к своему Зверю, обняла его, прижала к себе так крепко, как только могла. В этот момент я почувствовала, как между нами что-то меняется, как невидимая нить связывает нас воедино. Волчица уткнулась мордой мне в грудь, и я почувствовала, как ее дыхание выравнивается.

— Мы справимся, — прошептала я.

Понятия не имею, каким образом этому безумцу удалось пробудить моего Зверя. Меня охватила ярость, но я не хотела от нее отказываться, ведь у нас был общий враг.

Враг моего врага — мой друг, верно?

Вот только Маршал был не просто врагом. Даже мой Зверь испытывал к нему лишь ненависть, яркую, сводящую с ума. Моя волчица оказалась полностью солидарна со мной.

Магический поводок свисал с ошейника, Маршал был полностью поглощен дорогой. Это был мой шанс. Я могла наброситься на него сзади, вцепиться в шею, сдавить горло, почувствовать, как его жизнь ускользает...

Волчица клацнула клыками, и этот звук прозвучал в тишине машины как раскат грома. Ее жажда крови была такой сильной, что я сама едва сдерживалась. Но что-то внутри меня сопротивлялось. Что-то человеческое.

Может, это был страх. Может, надежда. Но одно я знала точно: если я сделаю этот шаг, обратного пути не будет.

Внезапно мир снаружи взорвался.

Машину резко тряхнуло, словно невидимая сила попыталась разорвать ее на части. По корпусу, словно живые, про-

бежали сизо-черные молнии, впиваясь в железо. Еще удар. И еще. Нас таранили, будто кто-то специально пытался превратить автомобиль в груды металла.

Маршал ругнулся сквозь стиснутые зубы, костяшки его пальцев побелели, словно он едва мог удержать руль. Он резко посмотрел на меня в зеркало заднего вида — его ледяной взгляд, обычно насмешливый, теперь был полон смертельной серьезности. В нем читалась не только угроза, но и что-то, что заставило меня замереть на месте.

— Понимаю, тебе не терпится перегрызть мне глотку, — издевательски произнес альфа и с решимостью в глазах добавил: — Но сейчас мне некогда с тобой возиться. Предстоит заварушка.

В этот момент машину снова тряхнуло. Магические сизо-черные всполохи пробежали по корпусу, пытаясь ворваться в салон. Удар за ударом, без остановки. Внутри меня все сжалось от страха. Это было не просто столкновение — нам предстояла самая настоящая битва.

Нашу машину продолжали упорно таранить — сначала в зад, затем в бок, пытаясь сбросить с трассы.

— Твой кровавый план мести придется отложить. Нам сели на хвост, и, судя по всему, — он виртуозно вывернул руль, уходя от очередного удара, — они хотят не только меня.

Его слова резанули по ушам, но ярость заглушила их, словно гром — шепот. От нового удара мы едва не вылетели в кювет. Защитное поле машины вспыхнуло и погасло —

заряды уже были на исходе. Мы оказались беспомощны, как котят, застрявшие на крыше.

— Ублюдки! Хрен вы нас достанете! — усмехнувшись, Маршал подмигнул мне в зеркало заднего вида. Веселье в его глазах было наигранным, за ним скрывалась тьма, способная испепелить все живое. — Не сейчас, когда у меня такой мощный союзник! Дарина! — Голос альфы стал серьезным как никогда. — На нас повесили магнитную мину. Только такую можно пронести через магический защитный экран и прикрепить к металлическому днищу. Понятия не имею как, но кто-то умудрился это сделать... Послушай, девочка, я понимаю, ты злишься, хочешь отомстить... Загрызешь меня потом, ладно?

При виде этого самодовольного лица во мне проснулось желание ударить его по голове.

— А пока... Как ты смогла телепортироваться из багажника в салон? Сможешь проделать то же самое и перенести нас с машиной куда угодно? Только меня, себя и тачку? Без этой проклятой мины. Не могу отказаться от машины. Это моя любимица...

Глава 7

Его слова звучали так безумно, что я не могла поверить ушам. В этот момент мне захотелось укусить его и хорошенько встряхнуть, чтобы он наконец-то пришел в себя.

«Ты в той тюрьме головой стукнулся? Как я всех нас телепортирую, если понятия не имею, как это делается?! И кто на нас напал? Зачем мне тебя спасать?»— спросила мысленно, чувствуя, как паника захлестывает меня с головой.

Сердце колотилось как бешеное, а в голове повторялось: «Это не шутка Маршала, не его дурацкий розыгрыш».

Маршал смотрел на меня в зеркало заднего вида как на сумасшедшую. Его взгляд был полон недоумения и раздражения, словно я только что вылезла из параллельной вселенной.

«Черт побери! Как ты залезла мне в голову?!»— рявкнул он, сжимая руль так, что костяшки его пальцев побелели. — *Почему я тебя слышу?!»*

«Я не знаю! Жми давай, пока нас не достали!»— огрызнулась я и, обернувшись, попыталась разглядеть тех, кто нас преследовал.

В темноте ночи я видела лишь размытые силуэты, но этого было достаточно, чтобы понять: если они нас догонят, то нам

конец.

«Немыслимо! Как она оказалась в моей голове?! Почему я слышу эту чертову ведьму?!»— продолжал возмущаться Маршал. Его голос дрожал от страха и ярости.

«Эй, я тоже все слышу! Прекрати уже!»— крикнула, чувствуя, как адреналин бурлит в крови. Мы неслись по ночной трассе словно на крыльях, но даже на такой скорости расстояние между нами и преследователями стремительно сокращалось.

Маршал вдавил педаль газа до упора, выжимая из своей проклятой тачки все, что только мог. Шины визжали по асфальту, двигатель ревел как раненый зверь, но черная машина не отставала. Она словно была рождена для погони, и каждый раз, когда я оборачивалась, мне казалось, что нас вот-вот настигнут.

Расстояние между нами и преследователями таяло, как дым на ветру. Магические удары по машине нарастали с такой скоростью, словно сама тьма пыталась разорвать нас на части. Теперь преследователи не таранили нас, а атаковали с яростью хищников, вооруженных неведомым магическим оружием. Каждый удар был жестким, безжалостным и с каждым разом становился все сильнее, разрывая воздух и оставляя за собой всполохи, скользящие по корпусу машины словно тени демонов.

Энергетический защитный экран мерцал, как последний огонек надежды, но его силы оказалось недостаточно. Маши-

на снова содрогнулась, как живое существо, и панель приборов вспыхнула тревожным алым светом, предупреждая нас о неизбежной гибели.

Маршал бросил на панель управления тревожный взгляд и увидел, что датчик уровня магического заряда артефакта мигает, сообщая о скором истощении.

— Дарина! — рев, наполненный болью и мольбой, выдернул меня из вихря мыслей, разрывающих голову.

Что делать? Сбежать, бросив похитителя на растерзание врагам? Или совершить безумство — выжечь свой магический резерв и спасти нас обоих вместе с его проклятой тачкой?

— Ты сможешь нас телепортировать? — Голос Маршала, обычно твердый и уверенный, теперь дрожал от страха и напряжения. Но в нем, как проблеск света в крошечной тьме, звучала надежда.

«Ты бы так злился, когда мой резерв едва не выжгли Инквизиторы, — язвительно ответила я, стараясь унять волнение. — А сейчас хочешь сделать это сам? Зачем мне помогать тебе?»

— Затем, упрямая ты ведьма, что тем, кто гонится за нами сейчас, нужен не я! Им нужна Видящая! Ты! И только рядом со мной ты будешь в безопасности! — в отчаянии воскликнул он.

«Правда? Что-то не верится!» — не могла не усомниться я, хоть в глубине души знала, что он прав. Твари, севшие

нам на хвост, не остановятся ни перед чем, пока не получат меня.

— Хватит! — рявкнул Маршал, когда в нашу машину попали сразу два удара, разорвав воздух с оглушительным грохотом. — Поверь, они будут хуже меня! Хочешь стать подопытной крысой в одной из правительственных лабораторий? Хочешь, чтобы тебя терзали и мучили?! — выпалил вне себя от гнева.

В его глазах я увидела отражение собственного страха. Отголоски боли прокатились волнами по слабому телу как эхо прошлого, которое я не могла забыть.

«А ты занимался не тем же?»

— Поверь, они сделают с тобой такое, что муки первого оборота покажутся тебе райским наслаждением... — Его слова ножом вонзились мне в сердце.

«Ты снимешь с меня ошейник...» — прошептала я, не в силах сдерживать накатившую злость.

А если он не соврал? Что, если эти твари действительно сделают со мной то, о чем он говорил?

Глава 8

В этот момент машина снова вздрогнула, и я почувствовала, как, словно лед под палящим солнцем, тает решимость. Сердце стучало где-то в висках, но я понимала, что выбора у меня нет. Если я не помогу Маршалу, мы оба погибнем. А вместе с нами сгинет и его тачка — последний островок безопасности в этом безумном мире.

— А ты наглая и оборзевшая ведьма... Я не вру! И ты это чувствуешь! Даже не проси отпустить, если не хочешь на всю жизнь остаться волчицей! Без меня ты не сможешь вернуть человеческий облик... — Маршал снова выругался, выкручивая руль и уворачиваясь от очередного энергетического удара. Несмотря на всю горечь ситуации, он не терял отчаянной решимости. — Мы не с того начали, признаю, но сейчас не время для пустых обид.

«Пустые обиды? Ты, ублюдок, нацелил на меня ошейник! Как на чертову рабыню!»

Ярость клочкотала внутри меня, сжигая тормоза и заставляя кровь кипеть. Хотелось кричать, рвать и метать, но я сдерживалась. Только еще более ужасная угроза от преследователей не позволяла сорваться. Не хотелось бы попасть из одного плена в другой, не менее жуткий и безысходный!

Защитный щит мерцал все сильнее, грозясь вот-вот от-

ключиться. Резерв энергии стремительно приближался к нулю, и я чувствовала, как силы покидают меня.

Наши преследователи неумолимо сокращали расстояние. Их удары становились мощнее, словно они набирались сил с каждой минутой. Пришло время принимать решение, и я молилась, чтобы оно оказалось верным. Молилась, чтобы оно не стало роковым.

«Надеюсь, Маршал, я не пожалею. Иначе...»

— Так ты телепортируешь нас? — Он легко отмахнулся от моих угроз, заведомо зная, что выбора нет. — И, предупреждая твой вопрос, нет, я не владею магией телепорта, в отличие от тебя...

«Я сделала это интуитивно. Просто хотела сбежать из тьмы твоего багажника...» — Мой голос дрожал, но я старалась держаться до последнего.

— А попала ко мне! — Маршал ухмыльнулся, однако его лицо осталось напряженным. — Пожелай снова!

«Да не могу я! Моя магия почти на нуле! Все ушло на спонтанный оборот и телепортацию...» — ответила, чувствуя, как паника сжимает горло и холодный пот стекает по спине.

— Дарина, посмотри на меня. — Голос Маршала вдруг изменился, стал похож на успокаивающее пламя, которое я хотела обнять, но не могла. — Просто подайся ко мне и укуси за руку... Давай, девочка, с кровью я передам тебе свою магию... Подпитаю твой резерв... Покажу, куда нам нужно... У

меня есть безопасное логово... Там нам ничего не будет грозить! Верь мне, девочка! Я не причиню тебе вреда! — клятвою пообещал он, но глаза, в которых я видела отражение своей души, говорили о другом. — Кусай! Хватит думать!

Его запястье было близко, пульсирующие вены манили. Я как будто уже чувствовала дразнящий запах крови, к которому примешивался запах опасности, витающий в воздухе. Он был чужеродным и резким, как дыхание ледяного демона.

Внезапно снаружи раздался грохот.

Машину жестко тряхнуло, и по корпусу пробежали сизо-черные молнии. Еще удар. И еще. Нас таранили снова, словно пытаясь разорвать на части.

Маршал ругнулся сквозь зубы. Он резко посмотрел на меня в зеркало заднего вида, и его глаза зажглись смертельным огнем.

— Укуси! — его голос прозвучал как удар хлыста. — Я передам тебе силу! Мне не хватает мощи, чтобы уйти от них, но вдвоем мы это сделаем! Доверься мне хоть раз, проклятая ведьма! Доверься инстинкту!

Слова Маршала врезались в меня острыми пиками, парализуя страх. Где-то в глубине души я чувствовала, что он говорит правду.

Время замерло. Я медленно подняла голову, чувствуя, как кровь стучит в висках. Наши взгляды встретились, и я увидела в глазах Маршала что-то, что заставило мое сердце биться еще быстрее. В них не было лжи. Лишь отчаянная решимость.

мость и та Тьма, что теперь была частью меня. Эта Тьма пугала и притягивала одновременно. Она и делала нас такими, какие мы есть.

Не думая, я рванула с места, повинуюсь древнему зову крови и магии. Мои клыки вонзились в его плоть, и мир вокруг взорвался.

Боль. Восторг. Сила. Темная, сладкая, всесокрушающая лавина обрушилась на меня через укусы. Его магия, его сущность вливались в меня, подпитывая мои истощенные резервы. Я чувствовала каждый его нерв, каждый мускул, слышала каждый вздох, ощущала его ярость, страх, его непоколебимую волю. Он открылся мне полностью. Я словно погрузилась в бездну, где каждый миг был насыщен до предела...

И где-то там, на дне этой бездны, я почувствовала почти забытую, спрятанную за слоями цинизма и силы надежду. Она пробивалась словно луч света в кромешной тьме. Эта надежда была его слабостью, и я поняла, что должна использовать ее.

«Держись!»— его мысленный приказ прозвучал прямо в моем сознании, и теперь это уже не было вторжением. Это была связь.

Я ощущала, как Маршал пытается удержать меня, не дать мне утонуть в потоке силы. Это было неожиданно, и внутри меня даже что-то смягчилось.

Я зажмурилась, всецело отдавшись потоку. Я желала безопасности. Желала получить убежище. Желала попасть в то

место, что он показывал мне мысленно, — старое, запыленное, скрытое от всех. Этому месту принадлежало его сердце, и я чувствовала, как оно зовет меня, как манит к себе.

Голубая вспышка ослепила меня изнутри. Машину вырвало из реальности, и я почувствовала, как мир вокруг меняется. Мы падали, но не в пустоту, а в нечто большее. В нечто, что было частью нас обоих.

Время сплющилось, пространство закрутилось в немыслимую воронку. Казалось, кто-то выдернул пробку из самой Вселенной. Нас затягивало в водоворот сверкающего хаоса. Корпус машины трещал по швам, металл скрипел под давлением неведомых сил...

Но я не отпускала его запястье. Кровь Маршала — густая, терпко-сладкая, полная темной мощи — продолжала течь по моему горлу, словно огонь обжигая его и подпитывая нашу телепортацию.

Через укус я чувствовала его — каждый мускул, сведенный судорогой концентрации, словно он пытался удержать весь мир на своих плечах; каждый нерв, натянутый как струна, дрожащий от напряжения. Я чувствовала его *ужас* — не за себя, а за меня, за то, выдержу ли я этот безумный прыжок, который мог разорвать нас на части. И сквозь ужас пробивалась лихорадочная, сумасшедшая *радость* от этого мощного симбиоза, от того, что мы были связаны, несмотря ни на что.

«Держись, девочка! Мы почти там!» — его крик, резкий и властный, врезался в мой мозг, но теперь я не слышала в

нем приказа.

Я слышала просьбу. Мольбу, полную отчаяния и надежды. Я чувствовала, как он боролся, как каждая клетка его тела изнемогала от усилий, и это придавало мне сил.

Стекла машины покрылись паутиной трещин. Снаружи, в искривленном пространстве, замелькали тени наших преследователей. Они попытались прорваться за нами, вцепиться в энергетический шлейф, как голодные звери, разрывающие свою добычу. Их магия, холодная и безлика, когтями скребла по металлическому корпусу, пытаясь сорвать прыжок.

Удары сердца отдавались громом в моей груди, каждый вдох был наполнен адреналином. Мы летели сквозь хаос, и я знала, что, если отпущу руку Маршала, нас разорвет на атомы. Но даже в этой бездне, даже в этом безумии я чувствовала, что мы — одно целое. Я и моя волчица.

Я зарычала, сжимая челюсти так сильно, что зубы заскрипели, впиваясь в его плоть. Боль пронзила Маршала, и он резко выдохнул, стиснув челюсти. Но руку не отдернул. Наоборот, вцепился пальцами мне в шерсть и прижал мою голову к ране. Он делился со мной силой так отчаянно, будто это была его последняя попытка.

«*Вместе!*» — прорычала я в ответ, и этот рык был уже не протестом, а клятвой. Клятвой на крови, на боли, клятвой, порождающей доверие, которое мы не могли разрушить.

И мы рванули.

Словно гигантская резинка, натянутая до предела, лопнула, и нас вышвырнуло в пустоту, где не было ни звуков, ни ощущений. Время будто остановилось.

Все звуки оборвались. Не просто исчезли, а испарились, оставив после себя оглушающую тишину. Давящая мощь телепортации исчезла, эхо быстро стихло. Машина с глухим стуком рухнула на твердую поверхность, качнулась на амортизаторах, словно пытаясь смягчить падение, и замерла.

Тишина. Холодная, звенящая тишина, нарушаемая лишь треском остывающего мотора и моим тяжелым, хриплым дыханием. Я разжала челюсти, чувствуя, как они болят от напряжения. Рука Маршала выскользнула из моей пасти, окровавленная, с четкими следами клыков. Кровь побежала по его пальцам...

В этот момент меня охватила странная смесь гордости и ужаса. Я отпрянула на сиденье, и по телу тут же проползла дрожь, словно это была не просто физическая реакция. Магия, собственная и чужая, бушевала во мне, переливаясь через край. Она полыхала огнем, который я не могла контролировать или гасить. Язык помнил вкус его крови — вкус власти, оказанного доверия, которое я не могла предать.

Маршал сидел, откинув голову на подголовник. Его лицо было смертельно бледным, на лбу выступили капли пота. Он дышал медленно и глубоко, словно пытаясь собрать себя по кусочкам. Его глаза, обычно холодные и расчетливые, казались теперь пустыми.

Он отдал мне слишком много. Слишком много силы,
слишком много себя.

Глава 9

Первым тишину нарушил Маршал. Его голос был хриплым, из него пропала привычная насмешка.

— Ну что... — устало выдохнул. — Договор еще в силе? Или сейчас начнешь осуществлять свой кровавый план?

Он медленно повернул голову, и наши взгляды встретились. Его — бездонный, глубокий — был спокойным, в нем читался не вызов, не угроза, а вопрос.

Я неотрывно смотрела на Маршала. Его бледное лицо, покрытое испариной, было изможденным. Окровавленная рука, которую он даже не пытался убрать, дрожала. Я чувствовала эхо его силы в каждой клетке своего тела, но вместе с этим — его истощение, его... пустоту.

И собственную ярость. Она еще пылала внутри, острая, как осколки стекла. Но теперь к ней примешивались другие чувства. Любопытство, словно змея, обвивало мою душу. Непонимание, как густой туман, окутывало разум. А странное щемящее чувство долга росло с каждым мгновением.

Маршал спас нас. Ценой собственной силы, своей кровью. Он доверился мне, когда мог просто уйти.

Я издала низкий горловой звук — не рык, не скулеж, а что-то среднее. Медленно, очень медленно я опустилась на сиденье и положила голову на лапы, все так же глядя на него.

Ответ был ясен: не сейчас.

Сейчас — перемирие.

Губы Маршала дрогнули, он слабо улыбнулся. Затем кивнул, словно соглашаясь с чем-то незримым, и закрыл глаза. Его грудь медленно поднималась и опускалась, дыхание было тяжелым, прерывистым. Он восстанавливал силы.

В этот момент мы оба оказались на грани. Он — раненый воин, который доверился мне. Я — существо, которое только начало понимать, каково быть не просто монстром.

В повисшей тишине было что-то хрупкое, но в то же время неизбежное. Мы оба знали, что это перемирие не будет длиться вечно, что это лишь временное затишье. Но сейчас... сейчас мы могли позволить себе покой.

Мы были в логове. В безопасности. Но эта безопасность казалась хрупкой, как лед на реке. Теперь мы были связаны не только проклятым ошейником — куда более прочно. Кровью, магией, молчаливым договором, заключенным на краю гибели.

Тишина в салоне была густой, почти осязаемой, как вязкий кисель, в котором тонули все звуки. Она звенела в ушах после погони, когда земля дрожала под колесами, и воя разрываемого пространства. Кто-то словно разорвал саму ткань реальности. Пахло озоном, гарью, кровью Маршала и моим страхом, который пульсировал в венах, как яд.

Я лежала, не в силах пошевелиться, прислушиваясь к ритму его сердца. Оно билось ровно, но глухо, как будто каждый

удар был отзвуком отданной силы. Каждый раз, когда сердце Маршала замирало, во мне поднималась волна тревоги. Моя собственная грудь вздымалась чаще, переполненная чужой, темной магией, которая уже не жгла, а теплилась внутри, как тлеющие угли. Эта магия была тяжелой и сладкой, как густой мед, который я не могла проглотить. Я чувствовала каждую ее крупницу, каждую искру, переплетенную с моей собственной силой, голубой и будто бы электрической, как молния в грозу.

Маршал пошевелился первым. С тихим стоном, похожим на шипение змеи, откинулся на спинку кресла, не отрывая взгляда от израненной руки. Рана была глубокой, словно кто-то вырезал из его плоти кусок, но кровотечение уже замедлилось. Его тело, привыкшее к повреждениям, знало, как справиться с болью. Он поймал мой взгляд, и его губы тронула усмешка, короткая и беззвучная, как тень на стене.

— Зверь... — прохрипел Маршал со странной смесью восхищения и боли. — Ни одна из моих девушек так не кусалась.

Его шутка, неуместная и язвительная, повисла в воздухе тяжелым камнем. Он пытался вернуть себе власть. Над ситуацией, которая вышла из-под его контроля. Надо мной, которая оказалась сильнее, чем он ожидал. Над собой, раненым, но все еще пытающимся выглядеть невозмутимым.

Я ответила ворчанием, не угрожающим, но полным скрытого смысла. В нем прозвучало что-то большее, чем просто

раздражение. Это было что-то... оценивающее. Я смотрела на Маршала как на добычу, которую уже поймала, но все еще изучала, чтобы понять, что с ней делать дальше.

Мой взгляд скользнул по салону, словно луч света в густом мраке. Мы находились в огромном пространстве — ангаре или подземном гараже, высокие своды которого терялись в крошечной тьме. Воздух был пропитан едкой бетонной пылью, запахом машинного масла и застывшей магии, словно законсервированной на долгие годы.

Это место и было его «безопасным логовом». Вот только оно казалось... пустым. Одиноким.

Маршал тяжело вздохнул. Потянулся к бардачку, достал оттуда небольшую аптечку и бутылку янтарного пойла с резким запахом. Открутил крышку зубами, будто это было привычным делом, и плеснул жидкость на рану. Даже не поморщившись, залпом отпил из горлышка. Его движения были медленными, словно он боролся с самим собой.

— Для дезинфекции, — заметив мой пристальный взгляд, бросил с легкой насмешкой. — И от нервов. Твои, смотрю, уже в порядке.

Он был прав. Дрожь в теле утихла, уступив место непривычному спокойствию. Ярость тоже отползла в угол, свернулась клубком и теперь наблюдала. Инстинкт Зверя больше не требовал немедленной атаки. Зверь оценивал территорию, каждого, кто на ней находился, как охотник добычу.

Маршал достал из бардачка пакет со средствами первой

помощи и разорвал упаковку зубами. Дрожащими пальцами вытащил мерцающий магический пластырь, от которого исходило мягкое голубоватое свечение. Быстро приклеил его на рану и зашипел от боли. Затем откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Я чувствовала, как возвращается его сила. Лицо Маршала было напряженным, а темная субстанция внутри плескалась, словно вода, заполняющая глубокую яму. Тьма медленно, но верно проникала в поврежденные ткани, оставляя за собой след из мрака. Рана под магической повязкой затягивалась, но на полное заживление требовалось время.

В темном ангаре, пропитанном магией и запахами прошлого, вновь воцарилась тишина.

Маршал был уязвим. Так почему он просто не обернулся? Его волк был едва слышен, но я чувствовала его...

В эту самую секунду я могла бы его убить...

Я осторожно поднялась. Когти мягко царапнули кожаное сиденье, словно касаясь поверхности с трепетом. Подавшись к Маршалу, я застыла в сантиметре от его руки. Мое дыхание было рваным, но я старалась контролировать себя. Воздух, который я жадно втягивала, пах его кровью, и этот запах вызывал во мне необъяснимое, почти первобытное чувство.

Он не открыл глаза, но напрягся всем телом. Мышцы натянулись как струны, готовые в любой момент зазвенеть от удара. Он готовился к отпору, к атаке, но в то же время был слишком слаб, чтобы сопротивляться...

Я уткнулась носом в его забинтованную руку, ощущая, как под повязкой пульсирует вена. От его кожи исходил жар, но в то же время она была холодной на ощупь, будто он только что вышел из ледяного озера.

Веки Маршала дрогнули, и он посмотрел на меня в зеркало заднего вида. Его взгляд был мутным, но в нем мелькнуло что-то похожее на удивление. В бездонных глазах плескалась усталость и какая-то осторожность, словно он не ожидал увидеть меня здесь в этот момент.

— Что? — спросил почти шепотом.

Я не знала что. Не могла объяснить это даже себе. Может, виной всему любопытство?

Животное, дикое любопытство к тому, кто был сейчас рядом. К тому, кто разделил со мной пещеру после битвы, кто был таким же раненым, как я, кто пах болью и адреналином, как и я.

Я облизала повязку шершавым языком. Быстро, словно проверяя ее на вкус. Его кровь была солоноватой, с особым металлическим привкусом, который будто вызывал у меня странное, извращенное чувство удовольствия...

Мои когти впились в сиденье, оставляя на нем глубокие царапины. Взгляд Маршала стал беспокойным, и я заметила, как его рука слегка дернулась. Он не пытался отстраниться, но в глазах мелькнула тень растерянности.

Я просто продолжала смотреть на него, чувствуя, как внутри меня что-то пробуждается. Что-то темное, неизвест-

ное, что-то, что я не могла контролировать.

Маршал замер. Его дыхание остановилось, будто кто-то невидимый схватил его за горло. Сердце колотилось как бешеное, но он даже не мог пошевелиться. Медленно, очень медленно развернулся, словно его тело двигалось против воли. Протянул вторую руку и коснулся пальцами моей головы чуть ниже уха.

Его прикосновение было грубым, но в то же время удивительно осторожным. Это противоречие словно нож резало по натянутым нервам. Я почувствовала, как его пальцы замерли и он выдохнул. В этом выдохе было что-то, что заставило меня напрячься.

— Вот же черт... — выругался Маршал. В его голосе слышалась смесь удивления и страха. — Кажется, мы только что заключили с тобой куда более страшный договор, чем все мои прошлые сделки.

После этих слов в машине повисло тяжелое молчание. Маршал вновь провел рукой по моей шерсти, и где-то глубоко внутри, в том самом месте, где сидела волчица, что-то отозвалось тихим, довольным урчанием. Это урчание было странным, чуждым мне, но в то же время таким... правильным.

Перемирие было заключено. Началось нечто новое. Необъяснимое. Пугающее. И неизбежное. Я чувствовала, как воздух вокруг нас густел, как будто менялась сама реальность. И в этом изменении было что-то, от чего я не могла

отвести взгляд.

Глава 10

Альфа внезапно решил испортить этот хрупкий, едва наступивший миг покоя.

— Раз ты наконец пришла в себя и у нас есть немного времени для разговора... — начал он, и каждое слово отточенным лезвием полоснуло по моим нервам, и без того натянутым струной.

Его голос казался холодным и отстраненным, лишенным даже намек на ту связь, что я ощущала мгновением ранее. Внутри меня, там, где только что была растерянность, закипела ярость. Она поднялась по пищеводу едким, обжигающим комом. После того, как Маршал нацепил на меня подчиняющий ошейник, хотелось порвать его на мелкие кусочки.

«Верни меня в человеческое тело, сама я не смогу это сделать!»— прорычала мысленно, ощущая, как когти дерут кожу заднего сиденья тачки.

Звук лопнувшей обивки прозвучал в тишине салона особенно громко, ударив по ушам. Я отвернулась, желая выбраться наружу — подальше от альфы. И так с трудом сдерживалась, чтобы не полоснуть когтями по шее Маршала...

Лапой надавила на ручку машины, и дверь тихо открылась. Я выскочила на холодный пол бункера, пропитанного

запахами озона и металла.

Глаза заматались по периметру, выискивая лазейку, щель — любую возможность к бегству. Но не было ничего. Лишь голый бетон, прошитый арматурой, и все это — в плотном, пульсирующем магическом коконе. Казалось, сам воздух был тяжелым и вязким, подчиняясь воле хозяина этого железобетонного мешка.

Вырваться отсюда без его разрешения было равносильно попытке прогрызть стену.

Бесполезно...

— Выполнишь три моих приказа... — продолжил альфа, открыв дверь, и, со стоном повернувшись, спустил ноги на пол.

В тоне Маршала слышались властные нотки — привычка повелевать никуда не делась. Я резко обернулась, и из глотки против моей воли вырвалось низкое хриплое рычание. Глаза наверняка пылали огнем ненависти.

Маршал замолчал. Отшатнувшись, прижался спиной к дверце тачки, и в его взгляде промелькнуло что-то похожее на удивление. Словно он увидел не пойманную дикарку, а разбуженную бурю в зверином обличье, которую ему лишь временно удалось заключить в капкан этого тела.

— Хорошо... — выдохнул, понимая, что сейчас не время идти напролом и проявлять упорство.

Лучше было мирно договориться. От моего согласия помочь ему зависело слишком многое. И мы оба это понима-

ли...

— Наше сотрудничество может быть взаимовыгодным...

— Альфа решил сменить тактику убеждения, наверняка наступив себе на горло и проглотив собственное высокомерие и гордыню.

Ему была очень нужна моя помощь!

— Я помогу тебе совершить оборот, научу его контролировать, выпускать зверя когда нужно и сдерживать его. Покажу, как наладить с ним связь, научу быть с ним единым целым... — его голос смягчился, стал ласковым, почти шелковым, но где-то на самых низких частотах все так же змеилась угроза. — Но только если пообещаешь, а лучше дашь клятву на крови, что поможешь мне с тремя делами. Они для меня очень важны... — буквально выплюнул последние слова, сверкнув яростным взглядом.

Его обуревали гораздо более сильные чувства, чем жажда закончить эти три дела...

Я фыркнула — звук вышел презрительным.

Доверие к нему было равно нулю, упало уже ниже плинтуса. В самых темных закоулках моего подсознания все еще бурлила ярость.

«То есть я должна буду неизвестно сколько находиться в облике зверя, потому что ты сам не справился?» — ехидно уточнила я и, изогнув губы в насмешливом оскале, обнажила клыки.

Мне нравилось, как он вздрагивал от моего мысленного

голоса, такого грубого, но в то же время по-звериному женского.

Альфа стиснул челюсти, и я увидела, как вздулась жилка на его виске.

Но он сдержался, не ответил. Взгляд, холодный, полный боли, вдруг лишил меня самообладания. Желание разорвать его притупилось...

В Маршале развернулась нешуточная борьба. В его дрогнувшем голосе было нечто неуловимое... Тень усталости, может, даже отчаяния, боли. Застарелые эмоции, которые мучили его очень давно.

Это заставило мое собственное злорадство поостыть. Возможно, он и вправду был не столько садистом, сколько загнанным в угол зверем. Это не делало его моим другом. Но все же...

Заприметив в дальнем углу бункера нечто, напоминающее кушетку, я рванула туда.

Диван пах кожей, дорогим мужским парфюмом с нотками сандала и чего-то еще, что напоминало запах альфы. Плюхнулась на него, растянулась во весь свой волчий рост и демонстративно зевнула, так, чтобы Маршал видел всю пасть. Усталость накатила тяжелой волной. Оставалось надеяться, что сон станет хоть каким-то щитом от этого кошмара...

Альфа потер лоб, виски, провел рукой по волосам и устало вздохнул, после чего направился к дальней стене. Нажал несколько кнопок на ней, и бункер на глазах преобразился.

Угол, где все еще стояла тачка, отдалился. Между нами и машиной вдруг выросла новая, магическая стена. За спиной Маршала появились высокие стеллажи, заставленные всевозможными древними книгами, а рядом с ними — прочный деревянный стол ручной работы и офисное кресло с высокой спинкой.

Альфа вытянул из ряда книг на пятой полке толстый томик, и она бесшумно испарилась, открывая моему взгляду дверцу металлического сейфа, испещренного древними рунами. Они источали золотисто-зеленый свет, отчего казалось, что сейф мерцает.

Маршал что-то прошептал, и вместо дверцы появилась голубая панель управления с отпечатком ладони. Он приложил к ней руку — защитный экран тут же мигнул и погас. Дверца открылась, и альфа вытащил оттуда толстую черную папку с потрепанными уголками, на которой были изображены такие же золотисто-зеленые руны.

— Я просто прочту тебе их досье.

Обернувшись, Маршал взглянул на меня все так же высокомерно, хотя на секунду в его глазах промелькнуло уважение. Он тяжело опустился в кресло и стал листать документы в папке. Шуршание страниц было похоже на шелест высохшей кожи.

— Три брата. У них столько грехов, что хватит не на один тюремный срок... — сказал ровным голосом, но я уловила легкое, едва слышное раздражение, похожее на скрип пера

по бумаге. — А еще у них есть магическая способность, которая помогает избегать правосудия. Они ходящие в сумраке — срединном мире между светлым и темным. Ты, наверное, знаешь о нем благодаря своему уникальному дару?

«Ты имеешь в виду те темные души, что я иногда вижу как незрячая?» — уточнила я, и внутри, под ребрами, кольнуло тревожное предчувствие. Словно чьи-то ледяные пальцы коснулись души.

— Да. Ты ведь можешь не только видеть их, но и предвидеть, когда они выйдут на темную или светлую сторону?

«Кто на нас напал? Пока я была на свободе, никто не интересовался мной. Только ведьмы помогали выжить...»

Я зажмурилась, лишь бы не смотреть на альфу, и невольно прислушалась к собственным ощущениям.

Уши, подвижные, чуткие, улавливали каждый звук. Приближалась опасность, я ощущала это всем своим существом. Где-то совсем рядом, за стеной слышался настойчивый шорох. Он впивался в мозг, как заноза. То ли его издавали мыши, то ли что-то гораздо хуже. Пока что я не могла отличить, и от этого становилось еще страшнее.

— Думаю, тебя искал не только я, но и те, кто понял, чем им грозит твой дар... — Маршал замолчал, и я буквально физически ощутила, как он взвешивает каждое слово. — А узнать о нем они могли от источника в тюрьме... — снова зашуршал документами, листая их с каким-то маниакальным упрямством. — До того как твой дар открылся, начал рас-

ти, я дал негласный приказ спрятать тебя. Поэтому ведьмы и прикрывали тебя, скрывали ото всех... И от изнанки тоже.

Горячий, колючий комок внезапно подкатил к горлу.

«Так ты знал о моем существовании до того, как меня схватила Инквизиция?»— с трудом сглотнув, подняла голову, чтобы встретиться взглядом с Маршалом.

Его лицо было похоже на каменную маску. Ни единой трещинки, ни единой эмоции. Только ложь в глубине глаз, которую он тщательно прятал.

А в это время тот самый звук за стеной становился все громче, настойчивее. Он словно обволакивал комнату, и тени в углах, казалось, плясали ему в такт. Они становились гуще, плотнее, зловеще извивались, будто готовясь вот-вот оторваться от стен и подползти к нам.

Ледяные мурашки побежали по моей спине. Почему Маршал ничего не слышит?

Он же волк!

Или... притворяется?

— Не об этом сейчас, послушай, — резко оборвал меня, свернув неудобную тему.

Маршал принялся зачитывать выписки из дел братьев Зурских...

Каждое слово было как удар кувалды по наковальне моего сознания. Зверства, пытки, изощренные игры с жертвами...

Мне становилось дурно только от того, что я слышала.

Я не верила своим ушам. В моем тихом, скромном мир-

ке, полном страха перед собственной тенью, не было места таким чудовищам.

Это был какой-то невыносимый, запредельный кошмар.

«Настоящие вурдалаки? Но, по слухам и легендам, они давно исчезли... Или ты о вампирах, о тех созданиях ночи?»

— Мой мысленный голос прозвучал скептически, но внутри бушевал ураган из страха, отвращения и щекочущего нервы любопытства.

— Нет. Не о людях, пьющих кровь и живущих среди нас. А именно о древних существах, которые жили здесь испокон веков. Когда-то их сравнивали с богами Тьмы...

«Почему никто не слышал о них ничего нового?» — единственное, что смог выдать мой перегруженный мозг.

Загадка, не имеющая ответа.

— Потому что их истребили очень давно, еще во времена первой войны между Тьмой и Светом. Вурдалаки тогда проиграли и скрылись в сумерках — мире между Тьмой и Светом. Они стали очень хитрыми... Настолько, что предпочли жить на изнанке миров... куда никому нет входа и выхода! — сдавленно ответил Маршал, и я почувствовала, как он напрягся, словно струна.

Он заметил мое неверие, мою попытку отстраниться от услышанного и тут же взбесился, стал каким-то дерганным. За этой нервозностью угадывалась какая-то недосказанность, словно Маршал что-то скрывал.

«Ты слышишь этот шорох?! Я больше не могу его тер-

петь!»

Я вскочила с дивана как ошпаренная.

Горло сдавило от дикой смеси ярости и животного страха. С рыком бросилась в угол, из которого доносились эти мерзкие звуки.

Там что-то зашевелилось...

Глава 11

Из самой гущи мрака, словно из ниоткуда, вынырнула длинная костлявая рука, обтянутая бледно-синеватой кожей. Она вцепилась в мой ошейник стальной хваткой, заставив замереть на месте, и потянула на себя.

Из горла вырвался сдавленный хрип. Я задержалась, сопротивляясь изо всех сил, попыталась вырваться, но стало лишь хуже. Тень притянула меня к себе, к своему мерцающему темно-серому балахону, словно сотканному из дыма и мрака. Костлявая рука погладила по холке как какую-то псинку.

— Ну, здравствуй, Недоальфа...

Другая рука, такая же костлявая, медленно откинула капюшон, открывая моему взору голову создания тьмы.

Худощавое лицо, словно вылепленное из кошмаров, окруженная запахом тлена фигура. Очертания черепа, обтянутого тонкой, сухой, как пергамент, мертвенно-бледной кожей... Казалось, передо мной стояла мумия, только что выбравшаяся из древнего склепа.

Провалившиеся глазницы сияли кроваво-красным светом... Зрачки, полные немой злобы и безумия, были похожи на две бездны. Тонкие бескровные губы растянулись в оскале, обнажая частокол острых, игольчатых зубов. От су-

щества тянуло смрадом — сладковатым запахом гниющей плоти, сыростью склепа, холодом неживого дыхания.

По спине пробежала ледяная дрожь. Это было нечто, не имеющее права существовать в нашем мире. Нечто из дремучих легенд, о которых шепчутся в ночи.

Я попыталась вывернуться, но ошейник внезапно ожил. Металл сжался, впиваясь в шею, словно узнав нового хозяина. Дыхание перехватило, сердце заколотилось в бешеном ритме, грозясь вырваться из грудной клетки.

— Ты... Как ты смог? — шагнул вперед Маршал.

Его лицо исказила чистая, бескомпромиссная ненависть. Голос дрожал, но не от страха, а от ярости, в которой тонула капля отчаяния.

— Твоя же волчица показала вход сюда... Прореху в этой чертовой «крепости». Открыть переход в одном месте и выйти в другом — не проблема для меня! Я же с изнанки, я вижу то, что скрыто от других. А ошейник... Он признал меня, ведь когда-то принадлежал мне как хозяину одного бестолкового щенка-бунтаря. Да, Максик?

— Как ты смеешь говорить со мной в таком тоне?! Мерзкая тварь изнанки! — Маршал сжал кулаки. Вокруг него завихрились остатки магии, жалкие, истощенные.

Он отдал мне почти все, а я потратила этот резерв на переход сюда...

— Брось, брось, щеночек! Ты же ей уже рассказал, какие мы плохие? Так вот, мы будем старательно доказывать это!

А еще расскажем, что ты хуже нас... Ты ведь не поведал ей обо всех своих планах? О том, как хотел ее использовать? Добиться цели ее руками... А потом продать как зверя, ну, или... — Каждое слово твари расширяло пропасть между нами. — Видимо, ты еще не знаешь об особенной связи между тобой и милой волчицей? Каждое ее мучение ты будешь чувствовать на себе...

— Заткнись! Я отказался от этого права! — Маршал выхватил из-за пояса пистолет.

Глаза вурдалака презрительно сузились.

— Не от права, а от ипостаси. Ты невнимательно прочел договор...

— Отпусти ее! — Маршал направил ствол на меня.

Не на тварь. На меня.

— Иначе она никому не достанется! — Его рука не дрогнула, но сквозь сталь голоса пробились паника.

— Сам-то веришь в то, что говоришь? — Существо дернуло за ошейник так, что мир перед глазами поплыл... и погрузился во тьму.

Абсолютную, густую, как деготь. Она поглотила все звуки, свет, воздух, саму мысль о надежде. Меня полностью окутал мрак изнанки.

— Попробуй достать! — Тишину разорвал ледяной, пронзительный, раздирающий душу на клочья хохот твари.

Ужас, исходящий от нее, сковал меня, парализовал волю. Сознание поплыло. Вурдалак потянул за ошейник как за по-

водок, безжалостно скрывая меня от Маршала в своем мраке.

— Пошли...

Сознание раскололось. Одна его часть осталась там, с Маршалом. Я все еще чувствовала его гнев, его боль — острую и яркую, словно собственную. Другая часть тащила тело, едва переставляющее ноги рядом с этим исчадием в крошечной тьме.

А позади, в бункере, метался, как раненый зверь, альфа. Я слышала грохот, эхо его сдавленных криков — он бился о стены от бессилия.

— Где я ошибся? Где?! Я все просчитал! — сорвался на хриплое рычание. — Или этого от меня ждали? Я все сделал, как им было нужно? А им была нужна она... — Маршал замер, уткнувшись в тот угол, где только что стояла тень.

Теперь на ее месте была лишь голая стена.

Я все еще висела там немой призраком, беспомощно наблюдая за агонией Маршала. Не могла ни закричать, ни проклясть его напоследок.

Тварь снова дернула за ошейник. От боли, острой и удушающей, я захрипела. Вурдалак легко поднял меня в воздух, заставляя задыхаться и брыкаться, насмехаясь над слабыми попытками освободиться. Сделать хоть один вздох...

Красные глаза впились в меня с новой силой, а пальцы, длинные и костлявые, вцепились в пустоту перед моей мордой, словно вылавливая что-то. Он будто вязал из невиди-

мого воздуха узлы.

— Когда вы успели обменяться ментальными клятвами истинной пары? — прошипело это исчадие. Его голос зазвонел от лютой злобы, а лицо исказило изумление. — Вы были наедине только как волчица и Недоальфа!

Яростно взревев, тварь со всей силы пнула меня под ребра. Воздух с хрипом вырвался из легких. Я заскулила, пытаюсь отползти, но она снова набросилась, схватила за ошейник и сдавила так, что зрение померкло и сознание заволокло чернотой.

На самом краю, в преддверии обморока, до меня дошло самое важное, самое невероятное и самое страшное...

Мы с Маршалом — пара? Настоящая истинная пара? Так почему же он... почему он так поступил со мной? Почему эта связь сковала нас еще одной цепью? Мы оказались в очередной ловушке?

Почему он не видел во мне того, что был должен?

Глава 12

Максим М

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.